

Европейский Суд по правам человека
(Пятая секция)
Дело "Белевицкий (Belevitskiy) против Российской Федерации"
(Жалоба N 72967/01)
Постановление Суда
Страсбург, 1 марта 2007 г.

По делу "Белевицкий против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Пятая Секция), заседая Палатой в составе:

П. Лоренсена, Председателя Палаты,

С. Ботучаровой,

К. Юнгвирта,

Р. Марусте,

А. Ковлера,

Х. Боррего Боррего,

Р. Йегер, судей,

а также при участии К. Вестердийк, Секретаря Секции Суда,

заседая 5 февраля 2007 г. за закрытыми дверями,

вынес следующее Постановление:

Процедура

1. Дело было инициировано жалобой N 72967/01, поданной в Европейский Суд по правам человека против Российской Федерации гражданином Российской Федерации Белевицким Романом Сергеевичем (далее - заявитель) 20 июля 2001 г. в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена правовая помощь, представляли Москаленко К.А. и Липцер Е.Л., адвокаты, практикующие в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Заявитель утверждал, что он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников органов внутренних дел, что условия содержания его под стражей являлись бесчеловечным обращением, что содержание под стражей было незаконным и чрезмерно долгим и что ему (заявителю) не были обеспечены гарантии справедливого судебного разбирательства.

4. 19 октября 2004 г. Европейский Суд принял решение коммуницировать жалобу властям Российской Федерации. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции Европейский Суд принял решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с разрешением вопроса о ее приемлемости.

5. Власти Российской Федерации просили Европейский Суд отменить применение пункта 3 статьи 29 Конвенции к данному делу. Рассмотрев заявленные доводы, Европейский Суд отклонил их.

Факты

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель родился в 1981 году и проживает в г. Москве.

А. Задержание заявителя и помещение его под стражу

7. 11 октября 2000 г. на рынке "Лужники" заявитель был задержан сотрудниками отдела внутренних дел "Раменки" г. Москвы Е.С. Игнатьевым и А.В. Королевым по подозрению в сбыте наркотических веществ. Заявитель был опознан В.И. Егоровым как лицо, продавшее ему героин. Точное время задержания оспаривается сторонами. Заявитель утверждает, что он был задержан около полудня. Власти Российской Федерации утверждают, что это произошло около 16 часов 30 минут.

8. В 16 часов 50 минут заявителя обыскал в помещении отдела внутренних дел "Раменки" г. Москвы сотрудник отдела А.В. Румянцев в присутствии двух понятых. У заявителя был обнаружен пакетик с 0,004 г героина.

9. Протокол задержания заявителя был составлен в 11 часов 50 минут на следующий день. В тот же день следователь вынес постановление о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении не был указан срок содержания заявителя под стражей (для соответствующих правовых ссылок см. ниже §51).

10. В неустановленный день была организована очная ставка между заявителем и Е.И. Егоровым.

В. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем

11. Заявитель утверждал, что 11 октября 2000 г. его избили сотрудники отдела внутренних дел "Раменки" г. Москвы. Власти Российской Федерации отрицали это утверждение.

12. Согласно медицинской справке, выданной 24 октября 2000 г. в травматологическом пункте поликлиники № 8, 13 октября 2000 г. в 15 часов 10 минут заявителя привезли на медицинский осмотр сотрудники милиции Раменского районного отдела внутренних дел г. Москвы. В результате осмотра у заявителя были выявлены "гематома области 4-6 межреберья слева, гематома поясничной области слева, ссадина в области левого коленного сустава".

13. Постановлением старшего помощника Никулинского районного прокурора г. Москвы от 18 декабря 2000 г. было отказано в возбуждении уголовного дела в связи с жалобой заявителя на жестокое обращение. Постановление объемом в одну страницу было основано на показаниях сотрудников милиции Е.С. Игнатьева, А.В. Королева и А.В. Румянцева, которые принимали участие в задержании заявителя и проведении его личного обыска. Они отрицали, что оказывали какое-либо психологическое или физическое давление на заявителя.

14. Адвокат заявителя обжаловал постановление от 18 декабря 2000 г., обратившись к заместителю прокурора г. Москвы. Он утверждал, что в ходе проверки не была принята во внимание медицинская справка от 24 октября 2000 г. Прокурор г. Москвы постановил провести дополнительную проверку.

15. 29 марта 2001 г. старший помощник Никулинского районного прокурора г. Москвы вынес еще одно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В постановлении было указано следующее:

"В ходе дополнительной проверки Никулинская районная прокуратура исследовала медицинскую справку, в которой указано, что 13 октября 2000 г. [заявитель] доставили в поликлинику сотрудники милиции.

Из справки, выданной начальником отдела внутренних дел района "Крылатское" З., следует, что при помещении в изолятор временного содержания заявитель не жаловался на состояние здоровья, о чем он сделал соответствующую запись в медицинском журнале.

Более того, во время дополнительного допроса [заявителя], проведенного помощником прокурора перед помещением заявителя под стражу в присутствии адвоката заявителя [имя неразборчиво], [заявитель] пояснил, что сотрудники милиции не оказывали на него давления и что он добровольно дал признательные показания. Он не имел претензий к сотрудникам милиции.

Исследовав собранные материалы, я полагаю, что утверждения [заявителя] о том, что он подвергался психологическому и физическому давлению со стороны сотрудников милиции, не находят своего объективного подтверждения. Невозможно установить обстоятельства, при которых были получены телесные повреждения, описанные в медицинской справке, поскольку заявитель не сообщил об этих повреждениях помощнику прокурора и поскольку [в то время] у него не было видимых телесных повреждений или жалоб на состояние здоровья".

С. Первое судебное разбирательство

16. 9 декабря 2000 г. следствие было завершено, и материалы дела были направлены в Никулинскую районную прокуратуру г. Москвы для санкционирования обвинительного заключения.

17. 13 декабря 2000 г. дело в отношении заявителя и В.И. Егорова было передано в Никулинский районный суд г. Москвы для рассмотрения по существу.

18. 4 января 2001 г. материалы дела поступили в Никулинский районный суд г. Москвы.

19. 11 января 2001 г. Никулинский районный суд г. Москвы вынес постановление о назначении судебного заседания. Постановление представляло собой бланк на одном листе, в который от руки были вписаны даты, имена заявителя и других подсудимых, а также предъявленное им обвинение. Соответствующая часть звучала следующим образом (печатный текст передан обычным шрифтом, а вписанный от руки - курсивом):

"Никулинский районный суд г. Москвы полномочен рассматривать дело; для рассмотрения дела собрано достаточно доказательств; обвинительное заключение подготовлено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства; отсутствуют основания для отмены или изменения меры пресечения в отношении подсудимого; подсудимый и третьи стороны не подали ходатайств.

Признавая, что следствие по делу было проведено в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и что права обвиняемого Е. и [заявителя] соблюдены, а также что отсутствуют обстоятельства, препятствующие рассмотрению дела, суд постановил назначить судебное заседание по делу Е. и [заявителя]... на 23 января 2001 г. с участием прокурора, адвоката.

Меру пресечения - в отношении каждого подсудимого оставить без изменения..."

Постановление было вынесено в отсутствие заявителя или его адвоката, и копия постановления не была им предоставлена.

20. 23 января 2001 г. судебное заседание было отложено на неделю из-за неявки адвоката заявителя.

21. 30 января 2001 г. Никулинский районный суд г. Москвы провел предварительное слушание по делу. Адвокат ходатайствовал перед судом об освобождении заявителя из-под стражи. Суд отклонил ходатайство, указав:

"Заслушав стороны по делу и доводы прокурора, который просил не удовлетворять ходатайство об освобождении из-под стражи, суд полагает, что отсутствуют основания для изменения [заявителю] меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку он обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, наказуемого лишением свободы, и

поскольку суд еще не полностью исследовал доказательства, представленные стороной обвинения".

22. 5 и 22 февраля, 5 марта 2001 г. адвокат заявителя обжаловал указанное определение. Он утверждал, что заявитель имел постоянное место жительства в г. Москве и не имел судимости, и поэтому не было оснований полагать, что он скроется. Он также указал, что содержание заявителя под стражей с 11 по 12 октября 2000 г. не было зафиксировано, не попадало под действие какой-либо санкции. Более того, заявитель содержался под стражей только два месяца, и, следовательно, содержание его под стражей после 12 октября 2000 г. являлось незаконным.

23. 5 марта 2001 г. судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда оставила определение от 30 января 2001 г. без изменения. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда указала следующее:

"В соответствии со статьей 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР содержание под стражей в порядке избранной меры пресечения ограничивается двумя месяцами.

Как следует из представленных материалов, уголовное дело было возбуждено 12 октября 2000 г., и в тот же день [заявитель] был помещен под стражу. 9 декабря [2000] [заявителя]* (* Так в тексте (прим. переводчика).) передали в Никулинскую районную прокуратуру г. Москвы, куда были направлены материалы дела. Следовательно, в ходе следствия не было допущено нарушение статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, и доводы жалобы о том, что содержание под стражей после 12 октября 2000 г. было незаконным, не подтверждаются материалами дела.

В соответствии с частью второй статьи 96 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР лица, обвиняемые в [торговле наркотиками], могут содержаться под стражей на основании одной только общественной опасности деяния. В связи с этим суд поддерживает вывод суда первой инстанции об отсутствии оснований для изменения меры пресечения и считает этот вывод законным".

24. 26 апреля 2001 г. адвокат заявителя повторно обратился в суд с ходатайством об освобождении заявителя из-под стражи. В удовлетворении ходатайства было отказано. 3 мая 2001 г. соответствующее постановление было обжаловано в Московский городской суд. Повидимому, ответ на жалобу не поступил.

25. 26 июня 2001 г. Никулинский районный суд г. Москвы по своей инициативе продлил срок содержания заявителя под стражей на три месяца либо на время, необходимое для рассмотрения предъявленного заявителю обвинения, отметив, что освобождение заявителя из-под стражи "воспрепятствует тщательному, полному и объективному рассмотрению дела".

26. 5 июля 2001 г. заявитель и В.И. Егоров были признаны Никулинским районным судом г. Москвы виновными в преступлениях, связанных с оборотом наркотических средств. В.И. Егоров был освобожден от отбывания назначенного наказания на основании акта амнистии. Заявитель был приговорен к шести годам и шести месяцам лишения свободы в колонии строгого режима.

27. 17 октября 2001 г. судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда отменила приговор по материальным и процессуальным основаниям и вернула дело на новое рассмотрение в другом составе судей. Суд кассационной инстанции указал, что заявитель должен был оставаться под стражей, не указав оснований такого решения.

D. Второе судебное разбирательство

28. 3 декабря 2001 г. судебное заседание было отложено из-за неявки В.И. Егорова и свидетеля по делу.

29. 18 декабря 2001 г. судебное заседание не состоялось, поскольку судья участвовал в рассмотрении другого уголовного дела.

30. 19 декабря 2001 г. адвокат заявителя подал председателю Никулинского районного суда г. Москвы жалобу о том, что из-за отложений судебного заседания ходатайство об освобождении заявителя из-под стражи не было рассмотрено по существу. Адвокат также указал на бесчеловечные условия содержания заявителя под стражей. По-видимому, ответ на эту жалобу не поступил.

31. 10 января 2002 г. судебное заседание было отложено из-за болезни председательствовавшего судьи.

32. 21 января 2002 г. суд рассмотрел ходатайство об освобождении заявителя из-под стражи и отклонил его. Из-за неявки свидетеля судебное заседание было отложено на 4 февраля 2002 г. 27 января 2002 г. заявитель обжаловал отказ в удовлетворении ходатайства в Московский городской суд. По-видимому, эта жалоба не была рассмотрена.

33. 4 февраля 2002 г. суд отклонил еще одно ходатайство об освобождении заявителя из-под стражи. Из-за неявки В.И. Егорова и свидетеля судебное заседание было отложено на 12 февраля 2002 г.

34. 12 февраля, 5 и 19 марта 2002 г. судебные заседания откладывались из-за неявки свидетеля.

35. 17 апреля 2002 г. суд провел судебное заседание. Были заслушаны заявитель, свидетели стороны защиты, а также оглашены показания неявившихся свидетелей, включая В.И. Егорова.

36. 18 апреля 2002 г. заявитель был признан виновным в предъявленном ему обвинении и приговорен к шести годам и шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с конфискацией имущества. В связи с утверждениями заявителя о жестоком обращении суд указал следующее:

"Показания свидетелей Ереминского и Горина о том, что в момент задержания Белевицкий был опрятно одет, а также показания свидетеля Германа А.В. о том, что при осмотре одежда Белевицкого была грязная и он бы похож на бомжа, по мнению суда, не могут свидетельствовать о факте применения к Белевицкому мер физического воздействия со стороны сотрудников милиции, поскольку данная версия Белевицкого, проверенная в судебном заседании, не нашла своего подтверждения, о чем свидетельствуют показания Румянцева А.В., Игнатова Е.С., Королева А.В., Барбашова М.А., Мирошниченко А.В. и Мурого М.И., а также постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению Белевицкого.

(...)

Из приобщенной к делу справки следует, что 13 октября 2000 г. врач травматологического пункта осмотрел Белевицкого и обнаружил у него телесные повреждения... В судебном заседании Белевицкий пояснил, что эти повреждения были ему причинены сотрудниками милиции. Однако в ходе судебного разбирательства было установлено, что мер физического и психологического воздействия на Белевицкого не оказывалось, из чего суд делает вывод, что обнаруженные у Белевицкого 13 октября 2000 г. телесные повреждения были причинены не при обстоятельствах, указанных Белевицким, а каким-то иным путем, не связанным с задержанием Белевицкого и привлечением его к уголовной ответственности".

37. Признавая заявителя виновным в хранении и распространении наркотиков, Никулинский районный суд г. Москвы сослался на вещественные доказательства (изъятый у заявителя пакетик с героином), показания Егорова В.И., подтвержденные показаниями

сотрудников милиции и понятых, присутствовавших при обыске, и протокол очной ставки между заявителем и Егоровым В.И.

38. 8 июня 2002 г. заявитель обжаловал приговор. В частности, он утверждал, что приговор был в значительной степени основан на его признательных показаниях, данных под давлением со стороны сотрудников милиции в день его задержания, а также на показаниях Егорова В.И., который скрылся от правосудия и не давал показания во время второго судебного разбирательства.

39. 9 сентября 2002 г. судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда отклонила жалобу и оставила приговор без изменения. Суд кассационной инстанции дословно воспроизвел доводы суда первой инстанции относительно жалоб заявителя на жестокое обращение.

Е. Условия содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/3

40. С 11 июля по 6 ноября 2001 г. и с 23 апреля по 5 октября 2002 г. заявитель содержался под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/3 г. Москвы.

41. В 2001 году заявителя содержали в камерах N 405, 406 и 706, каждая площадью примерно 36 кв. метров. Из представленных властями Российской Федерации документов следует, что установить точное число лиц в камерах не представилось возможным, поскольку соответствующие журналы были уничтожены, однако лимит наполняемости следственного изолятора был превышен на 300%.

42. В 2002 году заявитель содержался в камерах N 603, 602 и 612. Камера N 603 имела площадь 26 кв. метров, и в ней содержалось от 21 до 37 заключенных. Камера N 602 имела площадь 32 кв. метра, и в ней содержалось от 35 до 45 заключенных. Камера N 612 имела площадь 9 кв. метров, и в ней содержалось от 4 до 6 заключенных.

43. 3 октября 2001 г. адвокат заявителя подал в Верховный Суд Российской Федерации и министру юстиции Российской Федерации жалобу на "ужасные условия" содержания заявителя под стражей.

44. 10 октября 2001 г. заявитель составил от руки жалобу в Пресненский районный суд г. Москвы. Он писал, что провел более года в переполненной камере, зараженной тараканами и вшами. Он страдал от недостатка свежего воздуха, который едва проникал через окна, закрытые металлическими жалюзи. Большинство из 40 заключенных активно курили. Свет был включен круглосуточно. Людям приходилось спать по очереди. Санузел не был отделен от остального помещения камеры и не обеспечивал никакой изолированности при его использовании. Заявитель заболел различными заболеваниями, включая чесотку, "гниение конечностей", постоянные головные боли и повышенное давление. Заявитель утверждает, что он не направил эту жалобу, поскольку опасался репрессивных мер, которыми ему угрожали сотрудники следственного изолятора.

45. 10 октября 2001 г. адвокат заявителя получил два одинаковых ответа из Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации. Адвокату было сообщено, что по прибытии в следственный изолятор заявителя осмотрел врач, который признал заявителя здоровым. 6 сентября 2001 г. терапевт оказал заявителю превентивную медицинскую помощь в связи с заболеванием чесоткой. 12 сентября 2001 г. заявителю был поставлен диагноз "вегето-сосудистая дистония по нормотоническому типу". 25 сентября 2001 г. заявителю было проведено лечение в связи с заболеванием чесоткой. 1 октября 2001 г. заявителю был поставлен диагноз "атипичный дерматит". Состояние его здоровья было признано "удовлетворительным".

46. 8 и 10 января 2002 г. адвокат заявителя получил ответы на дальнейшие жалобы. Сообщалось, что 11 октября 2001 г. заявитель обратился за медицинской помощью в связи с пиодермией и получил соответствующее лечение. 6 ноября 2001 г. заявителя перевели в другой следственный изолятор и поместили в общую камеру вместе с 63 другими заключенными. 7 декабря 2001 г. администрация следственного изолятора отказалась принять лекарства от матери заявителя, поскольку в медицинской части изолятора были все необходимые медикаменты. 20 декабря 2001 г. заявителю был поставлен диагноз: "кожный зуд и остаточные явления пиодермии".

II. Применимое национальное законодательство

A. Расследование уголовных дел

47. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (действовавшем до 1 июля 2002 г.) было закреплено, что уголовное дело могло быть возбуждено следователем по жалобе лица или по инициативе следственного органа, когда имелись основания полагать, что совершено преступление (статьи 108 и 125). Прокурор отвечал за общий надзор за следствием (статьи 210 и 211). Он мог назначить проведение определенного следственного действия, передать дело от одного следователя другому и назначить дополнительное расследование. Если отсутствовали основания для возбуждения уголовного дела, прокурор или следователь выносили соответствующее мотивированное постановление, о котором должны были быть уведомлены заинтересованные стороны. Постановление могло быть обжаловано вышестоящему прокурору или в суд общей юрисдикции (статья 113).

48. 29 апреля 1998 г. Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что любой, чьи законные права и интересы затронуты постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, должен иметь право обжаловать это постановление в суд.

B. Заключение под стражу в порядке избранной меры пресечения

49. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. закрепляет, что заключение под стражу и продление срока содержания под стражей допускаются только по судебному решению (статья 22). Постановление о помещении под стражу в порядке избранной меры пресечения выносится прокурором или судом (статьи 11, 89 и 96 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР).

50. До 14 марта 2001 г. содержание под стражей применялось, если лицо обвинялось в совершении преступления, наказуемого лишением свободы сроком от одного года (статья 96 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Изменения, внесенные 14 марта 2001 г., отменили положение, которое позволяло содержать лицо под стражей на основании одной только тяжести вмененного ему в вину деяния.

51. После задержания подозреваемый помещался под стражу "на период следствия" на срок, который изначально составлял два месяца (статья 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Этот срок мог быть продлен прокурором.

52. После завершения следствия, составления обвинительного заключения и ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела эти материалы направлялись в суд. С этой даты лицо содержалось под стражей, числясь "за судом" (или "во время суда"). До 14 марта 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР не содержал ограничений для содержания лица под стражей, когда он числился "за судом". 14 марта 2001 г. была введена в действие статья 239.1, которая установила, что срок содержания под стражей лица "за судом" не мог превышать шести месяцев с даты поступления дела в суд. Этот срок не применялся к подсудимым, обвиняемым в особо тяжких преступлениях.

53. Содержащееся под стражей лицо или его/ее адвокат или представитель могли оспорить постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или о

продлении срока содержания под стражей, вынесенные прокурором или судом. Судья обязан был проверить законность и обоснованность такого постановления в течение трех дней с момента получения соответствующих материалов. Рассмотрение проводилось в закрытом порядке ("in camera") в присутствии прокурора и адвоката или представителя заключенного. Заключенный должен был быть доставлен в суд, а рассмотрение в его отсутствие допускалось только в исключительных обстоятельствах, если он добровольно отказывался от этого права. Судья мог либо отклонить жалобу, либо отменить постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей (статья 220.1 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР).

Право

I. Предполагаемое нарушение статей 3 и 13 Конвенции в связи с жалобой заявителя на жестокое обращение

54. Заявитель утверждал, что 11 октября 2000 г. его избили сотрудники органов внутренних дел и что власти не провели эффективное расследование по его жалобе на жестокое обращение. Он ссылаясь на [статьи 3 и 13](#) Конвенции, которые звучат следующим образом:

Статья 3

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

Статья 13

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

55. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель не использовал внутригосударственные средства правовой защиты. Во-первых, он мог обжаловать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела Генеральному прокурору Российской Федерации. Во-вторых, он мог обжаловать постановление прокурора в суд общей юрисдикции.

56. Заявитель указал, что по итогам обращения к вышестоящему прокурору была назначена дополнительная проверка. Однако она только подтвердила первоначальные выводы. При таких обстоятельствах дальнейшее по иерархии обращение к Генеральному прокурору Российской Федерации представлялось неэффективным. Поскольку на тот момент его уголовное дело уже было передано в суд, заявитель предпочел обратиться к суду с просьбой рассмотреть его жалобу на жестокое обращение, чтобы продемонстрировать, что признательные показания были им даны под давлением. Таким образом, вопреки доводам властей Российской Федерации жалобы заявителя были рассмотрены судом общей юрисдикции.

57. Европейский Суд повторяет, что норма об исчерпании всех внутригосударственных средств правовой защиты, закрепленная в [пункте 1 статьи 35](#) Конвенции, обязывает заявителя использовать сначала средства, которые обычно являются доступными и достаточными в национальной правовой системе для того, чтобы получить возмещение за предполагаемое нарушение. [Пункт 1 статьи 35](#) также требует, чтобы жалоба, которую в дальнейшем планируется представить на рассмотрение Европейского Суда, была бы как минимум по сути и в соответствии с формальными требованиями национального законодательства представлена на рассмотрение соответствующего национального органа, но не требует использования неадекватных или неэффективных средств правовой защиты (см. Постановление Европейского Суда по делу "Аксой против Турции" (Aksoy v. Turkey) от 18 декабря 1996 г., Reports 1996-

VI, [§51-52](#), и Постановление Европейского Суда по делу "Акдивар и другие против Турции" (Akdivar and Others v. Turkey) от 16 сентября 1996 г., Reports 1996-VI, [§65-67](#)).

58. Жалобы заявителя на жестокое обращение были рассмотрены прокурором, который не установил доказательств жестокого обращения и постановлениями от 18 декабря 2000 г. и 29 марта 2001 г. отказал в возбуждении уголовного дела. Согласно статье 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, действовавшего в рассматриваемое время, эти постановления могли быть обжалованы вышестоящему прокурору или в суд общей юрисдикции (см. выше [§47](#)). Власти Российской Федерации отметили, что заявитель не воспользовался ни одной из предоставленных ему возможностей обжалования.

59. Что касается возможности обжалования вышестоящему прокурору, Европейский Суд повторно ссылается на практику конвенционных органов о том, что обжалование в вышестоящий орган государственной власти, которое не дает лицу, подающему жалобу, личного права [на участие в] осуществлении государством его надзорных функций* (* Так в тексте: "personal right to the exercise by the State of its supervisory powers" (прим. переводчика).), не может считаться эффективным средством правовой защиты в целях [статьи 35](#) Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Хорват против Хорватии" (Horvat v. Croatia), жалоба N 51585/99, ECHR 2001-VIII, §47, и Постановление Европейского Суда по делу "Жибаш против Польши" (Gibas v. Poland), решение Комиссии от 6 сентября 1995 г., жалоба N 24559/94, Decisions and Reports 82, с. 76 и 82).

60. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР жалоба вышестоящему прокурору представляет собой жалобу вышестоящему должностному лицу на недостатки проверки, проведенной его подчиненными. Такая жалоба фактически является информационным заявлением, сопровождаемым просьбой, адресованной упомянутому должностному лицу, использовать свои полномочия для проведения дополнительной проверки, если оно считает это уместным. Вышестоящий прокурор не обязан выслушивать заявителя жалобы, а последующие процедуры касаются только взаимоотношений между прокурором и его подчиненными. Заявитель жалобы не является участником этого процесса и имеет право только на получение информации о том, каким образом вышестоящий орган рассмотрел соответствующую жалобу, поданную с учетом иерархии подчиненности. Следовательно, жалоба вышестоящему прокурору не наделяет заявителя такой жалобы личным правом [на участие в] осуществлении государством его надзорных функций, и поэтому такая жалоба не может считаться эффективным средством правовой защиты по смыслу [статьи 35](#) Конвенции.

61. Однако позиция меняется с учетом наличия возможности обжалования постановления прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе о жестоком обращении в суд общей юрисдикции. В таком случае инициируется состязательный процесс, в котором заявитель и прокурор являются сторонами. Европейский Суд уже установил, что в российской правовой системе право суда отменять постановление об отказе в возбуждении уголовного дела является существенной гарантией защиты от произвольного осуществления полномочий органами следствия (см. Решение Европейского Суда о приемлемости по делу "Трубников против Российской Федерации" от 14 октября 2003 г., жалоба N 49790/99). Хотя в рамках этого производства суд общей юрисдикции не имеет полномочий проводить независимое расследование или устанавливать факты, судебный пересмотр жалобы предоставляет возможность проведения свободной дискуссии, гарантирующей надлежащую правовую процедуру. В открытом и состязательном процессе независимый суд призван оценить, обоснована ли, судя по имеющимся доказательствам, жалоба заявителя на жестокое обращение, и если да, то отменить постановление прокурора и направить дело на новую проверку.

62. В данном деле заявитель не воспользовался возможностью судебного обжалования. Вместо этого он предпочел поднять вопрос о жестоком обращении при рассмотрении его уголовного дела судом. Необходимо оценить, был ли заявитель таким образом освобожден от обязанности обжалования в суд постановления прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе на жестокое обращение.

63. Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что целью производства по уголовному делу заявителя было признание его виновным или невиновным по предъявленному ему уголовному обвинению, а не установление ответственности за предполагаемое избиение заявителя или предоставление ему возмещения за предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции (см. Решение Европейского Суда о приемлемости по делу "Тотева против Болгарии" (Toteva v. Bulgaria) от 3 апреля 2003 г., жалоба N 42027/98). Заявитель подчеркивает, что его жалобы на жестокое обращение, озвученные в суде первой инстанции, были направлены на то, чтобы продемонстрировать, что признательные показания были даны им (заявителем) под давлением и поэтому являлись недопустимым доказательством (см. выше §56, а также Решение Европейского Суда о приемлемости по делу "Ксензов против Российской Федерации" от 27 января 2005 г., жалоба N 75386/01). Заявитель не просил суд первой инстанции о повторной проверке по его жалобе и не заявлял о недостатках проведенной проверки, хотя эти вопросы являются частью его жалобы на нарушение статей 3 и 13 Конвенции.

64. Даже притом что суд первой инстанции отметил в приговоре, что имевшиеся у заявителя телесные повреждения не были причинены при обстоятельствах, описанных заявителем, этот вывод был существенен только для определения того, являлись ли признательные показания заявителя допустимым доказательством. Нет никаких указаний на то, что решение суда первой инстанции о признании доказательства допустимым имело бы, если бы заявитель воспользовался возможностью обжалования постановления прокурора в суд, преюдициальное значение для суда, рассматривающего вопрос о том, обосновывали ли жалобы заявителя разумное подозрение в жестоком обращении с ним. Следовательно, использованное заявителем средство правовой защиты не могло по общему правилу считаться частью нормального процесса исчерпания средств правовой защиты в отношении жалобы, поданной в Европейский Суд.

65. Европейский Суд также повторяет, что при применении нормы об исчерпании национальных средств правовой защиты должен соответствующим образом учитываться тот факт, что эта норма применяется в рамках механизма защиты прав человека, который Договаривающиеся Государства согласились установить. Следовательно, эта норма должна применяться с некоторой степенью гибкости и без чрезмерного формализма. Это означает, среди прочего, что Европейский Суд должен реально учитывать не только существование формальных средств правовой защиты правовой системы соответствующего Договаривающегося Государства, но также и общий правовой и политический контекст, в котором они функционируют, а также личные обстоятельства дела заявителя (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Акдивар и другие против Турции" (Akdivar and Others v. Turkey) §69, и Постановление Европейского Суда по делу "Хорват против Хорватии" (Horvat v. Croatia), §40).

66. Лица, содержащиеся под стражей, часто находятся в стрессовой ситуации и также легко подвержены давлению. Поэтому для них было бы слишком обременительно, если бы от них требовалось инициировать отдельное судебное разбирательство, направленное на получение возмещения за нарушение их прав, гарантированных статьей 3 Конвенции, особенно если у них нет юридического образования и они не могут воспользоваться профессиональной юридической помощью. В определенных обстоятельствах при рассмотрении вопроса об исчерпании национальных средств правовой защиты требуется более гибкий подход. Однако в данном деле

заявитель со стадии предварительного следствия пользовался помощью двух выбранных им самим адвокатов, имеющих значительный опыт в уголовных делах. Не было представлено объяснений тому, почему они не подали в суд жалобу на постановление прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе заявителя на жестокое обращение либо не посоветовали заявителю подать такую жалобу.

67. В свете изложенного Европейский Суд полагает, что жалоба заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел подлежит отклонению на основании пункта 1 статьи 35 Конвенции в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты.

II. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей

68. Заявитель утверждал, что условия его содержания под стражей в следственном изолятора ИЗ-77/3 являлись бесчеловечным и унижающим достоинство обращением. Европейский Суд рассмотрит эту жалобу с позиции статьи 3 Конвенции, приведенной выше.

А. Приемлемость

69. Власти Российской Федерации, ссылаясь на информацию от Никулинского районного суда г. Москвы и от администрации следственного изолятора, указали, что заявитель никогда не жаловался на условия содержания его под стражей в суд или иной орган государственной власти.

70. Заявитель утверждал, что один раз попытался направить в суд жалобу на условия содержания под стражей, но администрация следственного изолятора стала угрожать ему мерами взыскания, и он (заявитель) передумал.

В любом случае условия содержания под стражей для всех заключенных были одинаковыми, и никакая жалоба не способствовала бы улучшению ситуации заявителя.

71. Европейский Суд отмечает, что адвокат заявителя неоднократно жаловался на внушающие опасения условия содержания заявителя под стражей и получил ответы от властей, ответственных за функционирование следственного изолятора ИЗ-77/3 (см. выше §43, 45 и 46). Таким образом, власти Российской Федерации были в достаточной степени уведомлены о ситуации заявителя. Действительно, заявитель не подавал отдельной жалобы в прокуратуру или в суд, как предложили власти Российской Федерации. Однако власти не продемонстрировали, какое возмещение мог бы получить заявитель в результате подачи такой жалобы, учитывая, что проблемы, вытекающие из условий содержания его под стражей, носили систематический характер и касались не только заявителя, но и населения учреждений уголовно-исполнительной системы в целом (см. Постановление Европейского Суда по делу "Мамедова против Российской Федерации" от 1 июня 2006 г., жалоба N 7064/05, §57, и Решение Европейского Суда о приемлемости по делу "Моисеев против Российской Федерации" от 9 декабря 2004 г., жалоба N 62936/00). Поэтому Европейский Суд полагает, что данная жалоба не может быть отклонена в связи с неисчерпанием национальных средств правовой защиты.

72. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено и иных оснований для признания жалобы неприемлемой. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Суть жалобы

73. Заявитель подчеркивал, что следственный изолятор был чрезвычайно переполнен, что на него (заявителя) всегда приходилось менее одного кв. метра санитарной площади. Заключенные были вынуждены спать по очереди, и на количество человек числом до 70 были

лишь одна раковина и один туалет. Расположение туалета не обеспечивало какой-либо изолированности при его использовании. Не было вентиляции, и летом температура воздуха в камере достигала +45°C. Доступу естественного освещения и свежего воздуха препятствовали металлические жалюзи, закрывавшие окна.

74. Власти Российской Федерации признали, что следственный изолятор был переполнен. Однако это было обусловлено объективными причинами, такими как высокий уровень преступности и недостаточное финансирование. Не было допущено умышленных действий, которые были бы направлены на оскорбление заявителя или унижение его достоинства. Власти Российской Федерации утверждали, что камеры были оборудованы системой вентиляции, а температура воздуха находилась в пределах установленных норм. Перегородка вокруг санитарного узла высотой в один метр обеспечивала достаточную степень изолированности.

75. Европейский Суд отмечает, что следственный изолятор ИЗ-77/3 был чрезмерно переполнен на протяжении всего периода содержания заявителя под стражей. Из доводов властей следует, что в 2001 году в следственном изоляторе содержалось в три раза больше человек, чем то количество заключенных, для которого он был предназначен, в то время как в 2002 году заявителю было обеспечено менее одного метра санитарной площади (см. выше §41 и 42). Заявитель вынужден был терпеть перенаселенность камеры, будучи запертым в камере круглосуточно на протяжении более 10 месяцев. Для анализа, проводимого Европейским Судом, не имеет значения, была ли переполненность вызвана высоким уровнем преступности, нехваткой ресурсов или иными причинами, поскольку на властях государства-ответчика лежит ответственность организовать функционирование своей уголовно-исполнительной системы таким образом, который бы обеспечил уважение достоинства заключенных, независимо от финансовых или материальных трудностей (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Мамедова против Российской Федерации", §63).

76. Европейский Суд часто устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с недостаточным размером санитарной площади, обеспечиваемой заключенным (см., в частности, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Мамедова против Российской Федерации", §62 et seq., Постановление Европейского Суда по делу "Худоеров против Российской Федерации" от 8 ноября 2005 г., жалоба N 6847/02, §104 et seq., Постановление Европейского Суда по делу "Лабзов против Российской Федерации" от 16 июня 2005 г., жалоба N 62208/00, §44 et seq., Постановление Европейского Суда по делу "Новоселов против Российской Федерации" от 2 июня 2005 г., жалоба N 66460/01, §41 et seq., Постановление Европейского Суда по делу "Майзит против Российской Федерации" от 20 января 2005 г., жалоба N 63378/00, §39 et seq. и Постановление Европейского Суда по делу "Калашников против Российской Федерации", жалоба N 47095/99, §97 et seq., ECHR 2002-VI).

77. Принимая во внимание свою практику по данному вопросу и материалы, представленные сторонами, Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не сослались на какие-либо фактические обстоятельства и не представили доводов, которые могли бы убедить Европейский Суд прийти к иному выводу в данном деле. Тот факт, что заявителю пришлось жить, спать и пользоваться туалетом в одной камере с таким количеством заключенных, сам по себе являлся достаточным для того, чтобы причинить страдания или переживания в степени, превышающей неизбежный уровень страданий, присущий ограничению свободы, и вызвать у заявителя чувство страха, страдания и унижения, которые могли оскорбить и унижить его.

78. В том что касается доводов властей Российской Федерации о том, что власти не имели умысла на причинение заявителю страданий, Европейский Суд повторяет: хотя вопрос о том, было ли целью обращения оскорбление или унижение заявителя, является заслуживающим

внимания фактором, отсутствие такой цели не может исключить установление нарушения статьи 3 Конвенции (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Калашников против Российской Федерации", §101).

79. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/3.

III. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции

80. Ссылаясь на подпункт "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции, заявитель утверждал, что содержание его под стражей с 11 по 12 октября 2000 г. и впоследствии с 12 декабря 2000 г. по 11 января 2001 г. являлось незаконным. Соответствующие положения пункта 1 статьи 5 Конвенции звучат следующим образом:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(...)

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения..."

А. Приемлемость

81. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено и иных оснований для признания жалобы неприемлемой. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Суть жалобы

1. Содержание под стражей с 11 по 12 октября 2000 г.

82. Власти Российской Федерации признали, что содержание заявителя под стражей не было оформлено в письменном виде с момента его задержания 11 октября 2000 г. до составления протокола задержания 12 октября 2000 г. в 11 часов 50 минут.

83. Европейский Суд напоминает, что он уже установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции по жалобе против Российской Федерации, когда задержание заявителя и его пребывание на протяжении ночи в отделе внутренних дел не фиксировались ни в каких документах. Европейский Суд подчеркнул свое устоявшееся мнение, что непризнанное содержание лица под стражей является полным отрицанием фундаментально важных гарантий статьи 5 Конвенции и свидетельствует о наиболее тяжком нарушении этого положения (см. Постановление Европейского Суда по делу "Менешева против Российской Федерации", жалоба N 59261/00, §84, ECHR 2006-... с последующими ссылками).

84. В данном деле власти Российской Федерации не отрицали, что первоначальное задержание заявителя и его ночное пребывание под стражей не были официально зафиксированы в письменном виде в соответствии с процессуальными требованиями национального права.

85. Европейский Суд полагает, что содержание заявителя под стражей с 11 по 12 октября 2000 г. не было произведено "в порядке, установленном законом", и поэтому не соответствовало требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение указанного положения Конвенции.

2. Содержание под стражей с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г.

86. Власти Российской Федерации утверждали, что в рассматриваемое время законодательство Российской Федерации не требовало продления срока содержания под стражей подсудимого, после того как дело передано в суд. 11 января 2001 г. суд рассмотрел вопрос о мере пресечения и решил, что заявитель должен был оставаться под стражей.

87. Заявитель отметил, что ни одно положение национального законодательства не позволяло продлевать срок содержания под стражей в отсутствие соответствующей санкции. Административную практику, в соответствии с которой подсудимые содержатся под стражей до первого судебного заседания, Европейский Суд признал не соответствующей требованиям законности и правовой определенности. Европейский Суд сослался на дела "Йечиус против Литвы" (Jecius v. Lithuania) (жалоба N 34587/97, ECHR 2000-IX) и "Барановский против Польши" (Baranowski v. Poland) (жалоба N 28358/95, ECHR 2000-III).

88. Сторонами не оспаривается, что 12 декабря 2000 г. истек первоначальный двухмесячный срок содержания заявителя под стражей и что после этой даты и до 11 января 2001 г. заявитель содержался под стражей на основании только того факта, что его уголовное дело было передано в соответствующий суд для рассмотрения по существу.

89. Европейский Суд уже рассматривал и устанавливал нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в ряде случаев, касающихся практики содержания подсудимых под стражей на основании только того факта, что уголовное дело с обвинительным заключением направлено в суд. Европейский Суд указал, что практика содержания подсудимых под стражей без особых на это правовых оснований или четких правовых норм, регулирующих ситуацию подсудимых, что приводит к тому, что подсудимые могут быть лишены свободы на неопределенный срок без судебного решения, не соответствует принципу правовой определенности и защиты от произвола, которые присущи всем положениям Конвенции и принципу верховенства права (см. Постановление Европейского Суда по делу "Корчуганова против Российской Федерации" от 8 июня 2006 г., жалоба N 75039/01, §57, Постановление Европейского Суда по делу "Нахманович против Российской Федерации" от 2 марта 2006 г., жалоба N 55669/00, §67-68, Постановление Европейского Суда по делу "Худоеров против Российской Федерации", жалоба N 6847/02, ECHR 2005-... §146-148, приведенные выше Постановления Европейского Суда по делам "Йечиус против Литвы" (Jecius v. Lithuania), §§60-64 и "Барановский против Польши" (Baranowski v. Poland), §53-58).

90. Европейский Суд не видит оснований приходить к иному выводу в данном деле. Европейский Суд повторяет, что для того, чтобы содержание под стражей отвечало стандарту "законности", оно должно быть основано на национальном законодательстве. Однако власти Российской Федерации не указали ни одной нормы права, которая позволяла бы содержать подсудимого под стражей после истечения ранее установленного срока содержания под стражей. Конституция Российской Федерации и положения уголовно-процессуального законодательства возложили обязанность по применению меры пресечения в виде заключения под стражу и по продлению срока содержания под стражей на прокуроров и суды (см. выше §49). Из этого правила не было установлено и не допускалось никаких исключений. Как указано выше, в период с 13 декабря 2000 г. по 11 января 2001 г. не было ни постановления прокурора, ни постановления суда, которые санкционировали бы содержание заявителя под стражей. Следовательно, заявитель находился в правовом вакууме, и к нему не применялись какие-либо положения национального законодательства.

91. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что, хотя суд первой инстанции 11 января 2001 г. оставил меру пресечения в отношении заявителя без изменения, он не мотивировал

каким-либо образом свое постановление, которое являлось просто заранее напечатанным шаблоном. В связи с этим Европейский Суд повторяет, что вынесение судебными органами не мотивированных каким-либо образом постановлений о содержании лица под стражей на протяжении длительного времени не соответствует принципу защиты от произвола, закрепленного в пункте 1 статьи 5 Конвенции (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Нахманович против Российской Федерации", §70-71, Постановление Европейского Суда по делу "Сташайтис против Литвы" (Stasaitis v. Lithuania) от 21 марта 2002 г., жалоба N 47679/99, §67).

92. В постановлении суда первой инстанции не был установлен срок, на который продлевалось содержание заявителя под стражей, а также отсутствовали ссылки на положения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулировавшие содержание под стражей в порядке избранной меры пресечения, на которых оно (содержание заявителя под стражей) было основано. Это оставило заявителя в ситуации неопределенности относительно правовых оснований для содержания его под стражей после указанной даты. В данных обстоятельствах Европейский Суд полагает, что постановление суда первой инстанции от 11 января 2001 г. не предоставило заявителю адекватную защиту от произвола, которая является существенным элементом "законности" содержания под стражей по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

93. Следовательно, в период с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г. отсутствовали "законные" основания для содержания заявителя под стражей. Поэтому имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

IV. Предполагаемое нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции

94. Ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции, заявитель обжаловал тот факт, что постановление о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу было вынесено следователем и что ему не было обеспечено судебное разбирательство в течение разумного срока или освобождение до суда. В пункте 3 статьи 5 Конвенции закреплено следующее:

"...3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд".

А. Приемлемость

95. В связи с жалобой заявителя на то, что постановление о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу было вынесено следователем, Европейский Суд отмечает, что Российская Федерация сделала оговорку относительно применения пункта 3 статьи 5 Конвенции. В оговорке, среди прочих вопросов, имелась ссылка на положения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, согласно которым лицо могло быть помещено под стражу на основании постановления органов следствия без требования какого-либо судебного пересмотра вопроса содержания под стражей. Европейский Суд рассмотрел действительность оговорки и признал ее соответствующей требованиям статьи 57 Конвенции (см. Решение Европейского Суда о приемлемости по делу "Лабзов против Российской Федерации" от 28 февраля 2002 г., жалоба N 62208/00).

Следовательно, часть жалобы заявителя, касающаяся санкционирования следователем помещения заявителя под стражу, является несовместимой с требованиями Конвенции ratione materiae по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

96. В том что касается жалобы заявителя на чрезмерную длительность и недостаточную обоснованность содержания его под стражей, Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено и иных оснований для признания жалобы неприемлемой. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Суть жалобы

97. Власти Российской Федерации утверждали, что содержание заявителя под стражей отвечало требованию "разумного срока", поскольку расследование по предъявленному обвинению было завершено в течение двух месяцев.

98. Заявитель подчеркнул, что для определения разумности срока содержания его под стражей следует рассмотреть весь период, начиная с его задержания 11 октября 2000 г. до постановления приговора 18 апреля 2002 г. Суд первой инстанции не проявил должного усердия при рассмотрении дела. Судебные заседания регулярно откладывались, поскольку судья был занят в другом процессе или из-за неявки свидетелей стороны обвинения - сотрудников органов внутренних дел. В любом случае обоснование содержания под стражей было недостаточным, поскольку суды ссылались только на тяжесть предъявленного заявителю обвинения.

99. Европейский Суд повторяет, что при рассмотрении срока содержания под стражей в порядке избранной меры пресечения в свете требований пункта 3 статьи 5 Конвенции подлежащий рассмотрению период начинается с момента помещения обвиняемого под стражу и завершается днем постановления приговора, хотя бы только судом первой инстанции. Ввиду существенной связи между пунктом 3 статьи 5 Конвенции и подпунктом "с" пункта 1 этой же статьи лицо, осужденное судом первой инстанции, не может считаться содержащимся под стражей "с целью предстать перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, а находится под действием подпункта "а" пункта 1 статьи 5 Конвенции, который позволяет содержание под стражей лица, "осужденного компетентным судом" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Панченко против Российской Федерации" от 8 февраля 2005 г., жалоба N 45100/98, §91 и 98 с дальнейшими ссылками). Следовательно, содержание заявителя под стражей с 5 июля 2001 г., даты постановления первого приговора судом первой инстанции, до 17 октября 2001 г., когда приговор был отменен и дело было направлено на новое рассмотрение, не может рассматриваться в целях пункта 3 статьи 5 Конвенции. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что подлежащий рассмотрению срок состоял из двух разных периодов: первый - с 11 октября 2000 г. по 5 июля 2001 г., и второй - с 17 октября 2001 г. по 18 апреля 2002 г., и составлял в целом 14 месяцев.

100. Европейский Суд отмечает, что единственным основанием для продления срока содержания заявителя под стражей являлся тот факт, что он обвинялся в совершении особо тяжкого преступления, одна общественная опасность которого являлась достаточным основанием для содержания заявителя под стражей (см., в частности, выше §21 и 23).

101. В том что касается ссылки национальных властей на тяжесть предъявленного обвинения как на единственный и решающий элемент, Европейский Суд неоднократно указывал, что, хотя тяжесть предъявленного обвинения и является существенным элементом при оценке того, что обвиняемый может скрыться или продолжить преступную деятельность, необходимость продления срока содержания под стражей не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения, с учетом только тяжести предъявленного обвинения (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Панченко против Российской Федерации", §102, Постановление Европейского Суда по делу "Илийков против Болгарии" (Ilijkov v. Bulgaria) от 26 июля 2001 г., жалоба N 33977/96, §81, и Постановление Европейского Суда по делу "Летелье против Франции" (Letellier v. France) от 26 июня 2001 г., Series A, N

207, §51). Эта ситуация особенно осуществима в российской правовой системе, в которой правовая квалификация фактов - и, таким образом, предъявляемое обвинение - определяются прокурором без судебного пересмотра вопроса о том, обосновывают ли собранные доказательства разумное подозрение заявителя в том, что он совершил вменяемое ему в вину деяние (см. Постановление Европейского Суда по делу "Худоеров против Российской Федерации" от 8 ноября 2005 г., жалоба N 6847/02, §180).

102. В настоящем деле национальные суды отказались принимать во внимание какие-либо особые обстоятельства, на которые ссылались заявитель и его адвокат в ходатайствах об освобождении заявителя из-под стражи. Суды предположили, что тяжесть предъявленного обвинения имела настолько преобладающее значение, что никакие другие обстоятельства не могли оправдать освобождение заявителя из-под стражи (см., например, судебное определение, упомянутое выше в §23). Европейский Суд повторяет, что любая система обязательного содержания под стражей до суда сама по себе противоречит требованиям пункта 3 статьи 5 Конвенции, и, следовательно, национальные власти обязаны установить и продемонстрировать существование конкретных фактов, перевешивающих принцип уважения свободы личности (см. Постановление Европейского Суда по делу "Рохлина против Российской Федерации" от 7 апреля 2005 г., жалоба N 54071/98, §67 с дальнейшими ссылками). В данном деле национальные власти не упомянули ни одного конкретного факта, обосновывающего постановление о содержании заявителя под стражей.

103. Европейский Суд полагает, что, не упомянув конкретных фактов и ссылаясь исключительно на тяжесть предъявленного обвинения, власти Российской Федерации продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые не могут считаться "достаточными". Таким образом, власти Российской Федерации не обосновали длительное содержание заявителя под стражей в рамках избранной меры пресечения (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Рохлина против Российской Федерации", §69).

Следовательно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

V. Предполагаемое нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции

104. Ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, заявитель утверждал, что он не мог добиться судебного пересмотра законности содержания его под стражей в период с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г., поскольку на этот период не распространялось какое-либо постановление о содержании его под стражей и поскольку он не присутствовал в судебном заседании 11 января 2001 г. В пункте 4 статьи 5 Конвенции закреплено следующее:

"4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным".

A. Приемлемость

105. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено и иных оснований для признания жалобы неприемлемой. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

B. Суть жалобы

106. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель и его адвокат имели возможность обжаловать постановление Никулинского районного суда г. Москвы о продлении срока содержания заявителя под стражей. Суд кассационной инстанции отклонил их жалобу.

107. Заявитель подчеркнул, что с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г. отсутствовало постановление о продлении срока содержания его под стражей, которое он мог бы обжаловать.

Первый раз он получил возможность подать ходатайство об освобождении его из-под стражи на судебном заседании 30 января 2001 г., что он и сделал.

108. Европейский Суд повторяет, что в силу пункта 4 статьи 5 Конвенции арестованное или задержанное лицо имеет право инициировать судебное рассмотрение процессуально- и материально-правовых вопросов, которые являются существенными для определения "законности" лишения лица свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Это означает, что компетентный суд должен рассмотреть не только соблюдение процессуальных требований, установленных национальным законодательством, но также и разумность подозрения, обосновывающего помещение под стражу, и законность целей, преследуемых помещением под стражу и дальнейшим продлением срока содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу "Броган и другие против Соединенного Королевства" (Brogan and Others v. United Kingdom) от 29 ноября 1988 г., Series A, N 145-B, §65, Постановление Европейского Суда по делу "Грауслис против Литвы" (Grauslys v. Lithuania) от 10 октября 2000 г., жалоба N 36743/97, §§51-55, и приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Илийков против Болгарии" (Ilijkov v. Bulgaria), §94).

109. Как Европейский Суд установил выше, в период с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г. содержание заявителя под стражей не было основано ни на одном постановлении (см. выше §88 и последующие). Поэтому заявитель не мог инициировать судебный пересмотр содержания его под стражей в этот период, поскольку законодательство Российской Федерации позволяло обжаловать только имеющиеся постановления о содержании под стражей (см. выше §53).

110. В том что касается постановления Никулинского районного суда г. Москвы от 11 января 2001 г., Европейский Суд повторяет, что производство по вопросам содержания под стражей должно быть состязательным и должно всегда обеспечивать равенство сторон (см. Постановление Европейского Суда по делу "Жаска против Польши" (Trzaska v. Poland) от 11 июля 2000 г., жалоба N 25792/94, §74). Предоставляемая задержанному лицу возможность быть выслушанным либо лично, либо через одну из форм представительства является одной из основополагающих гарантий процедуры, применяемой по вопросам лишения свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу "Кампанис против Греции" (Kampanis v. Greece) от 13 июля 1995 г., Series A, N 318-B, §47).

111. Властями Российской Федерации не оспаривается, что постановление от 11 января 2001 г. было вынесено в отсутствие заявителя и его адвоката, которым было отказано в возможности представить свои доводы суду. Европейский Суд также установил, что форма этого постановления - шаблон, в котором выводы суда первой инстанции были уже напечатаны и только графы с именем заявителя и данными дела были заполнены от руки (см. выше §19) - указывает, что, вынося стереотипное постановление в отсутствие заявителя и его адвоката, суд первой инстанции не выполнил обязанность по судебному пересмотру вопроса о содержании под стражей в порядке избранной меры пресечения.

112. Следовательно, в период с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г., когда ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи было впервые рассмотрено судом, заявитель не имел возможности инициировать судебное разбирательство, в рамках которого был бы рассмотрен вопрос о законности содержания заявителя под стражей.

Следовательно, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

VI. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

113. Заявитель утверждал, что рассмотрение его уголовного дела было проведено в нарушение пункта 1* (* Так в тексте (прим. переводчика).) статьи 6 Конвенции, в котором закреплено следующее:

"1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом...

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

(...)

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него..."

114. Заявитель утверждал, что им не было обеспечено справедливое судебное разбирательство в разумный срок. Он утверждал, что суды первой и второй инстанций презюмировали его вину, поскольку они отклоняли его ходатайства об освобождении из-под стражи со ссылкой на тяжесть обвинений, а также что рассматривавший дело судья имел личную предубежденность против него. Вторым подсудимым по делу, одновременно являвшимся свидетелем стороны обвинения, В.И. Егоров не давал показания во время второго судебного разбирательства, поскольку он скрылся от правосудия, а суд первой инстанции огласил письменные показания сотрудников органов внутренних дел. В заключение заявитель обжаловал предположительно несправедливые решения о допустимости и оценке доказательств по делу, а также ошибки в протоколе судебного заседания.

115. Европейский Суд отмечает, что производство по уголовному делу заявителя длилось со дня его задержания, 11 октября 2000 г., до окончательного приговора - 9 сентября 2002 г., то есть один год и десять месяцев. Этот период не является настолько длинным, чтобы не соответствовать требованию "разумного срока" [пункта 1 статьи 6 Конвенции](#).

116. Европейский Суд повторяет, что принцип презумпции невиновности запрещает преждевременное высказывание судом своего мнения о виновности лица, обвиняемого в совершении преступления, до того, как это доказано в соответствии с требованиями закона (см. Постановление Европейского Суда по делу "Аллене де Рибемон против Франции" (Allenet de Ribemont v. France) от 10 февраля 1995 г., Series A, N 308, [§41](#)). Хотя тяжесть предъявленного обвинения, на которую ссылались суды Российской Федерации при продлении срока содержания заявителя под стражей, не являлась "достаточным" основанием для целей [пункта 3 статьи 5 Конвенции](#) (см. выше [§101](#)), тексты соответствующих постановлений не подтверждают утверждение заявителя о том, что суды высказали мнение о виновности заявителя до завершения судебного разбирательства. Заявитель также не представил каких-либо материалов, которые заставили бы усомниться в беспристрастности председательствовавшего судьи.

117. Европейский Суд также отмечает, что заявитель, которому оказывал юридическую помощь адвокат, имел возможность задать вопросы непосредственно В.И. Егорову как во время очной ставки в период предварительного следствия, так и во время первого судебного разбирательства. Таким образом, он мог сформулировать и сообщить судье свои соображения относительно достоверности показаний свидетеля (см. Постановление Европейского Суда по делу "Изгро против Италии" (Isgro v. Italy) от 19 февраля 1991 г., Series A, N 194-A, [§35](#)). Действительно, во время второго судебного разбирательства Егоров В.И. не явился и не мог быть допрошен. Хотя суд в новом составе не мог заслушать показания В.И. Егорова непосредственно от него, суду в этом вопросе оказали помощь протоколы очной ставки и судебного заседания, чья достоверность не оспаривалась стороной защиты. Кроме того, как указал суд первой инстанции, показания В.И. Егорова подтверждались показаниями других

свидетелей, а также вещественными доказательствами, свидетельствовавшими об участии заявителя в совершении преступлений в сфере оборота наркотиков (см. выше §37).

118. В заключение Европейский Суд рассмотрел оставшуюся часть жалоб заявителя на нарушение статьи 6 Конвенции, как они им изложены. Однако принимая во внимание представленные ему материалы, Европейский Суд полагает, что эти жалобы не свидетельствуют о нарушении указанного положения Конвенции.

119. Учитывая изложенные, Европейский Суд полагает, что данная часть жалобы подлежит отклонению как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VII. Применение статьи 41 Конвенции

120. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Моральный вред

121. Заявитель потребовал 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного незаконным и чрезмерно длительным содержанием под стражей в ужасных условиях.

122. Власти Российской Федерации настаивали, что требуемая сумма являлась чрезмерной, поскольку переполненность [следственного изолятора] была вызвана объективными причинами.

123. Европейский Суд повторяет, что он установил ряд серьезных нарушений гарантий, предусмотренных Конвенцией. Заявитель содержался под стражей без достаточных оснований в чрезмерно переполненном следственном изоляторе. Определенный период заявитель содержался под стражей без соответствующего постановления и не мог инициировать судебный пересмотр вопроса о содержании его под стражей. Эти нарушения, несомненно, причинили ему существенные страдания и переживания. Принимая решение на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю всю сумму требуемой им компенсации морального вреда, то есть 10 000 евро, включая любые взимаемые с этой суммы налоги.

B. Судебные расходы и издержки

124. Заявитель потребовал 15 500 евро в качестве компенсации расходов, понесенных в национальных судах и при рассмотрении его жалобы Европейским Судом. Его представители подали две жалобы по существу дела и шесть жалоб на постановления о содержании заявителя под стражей, посетили 23 судебных разбирательства в суде первой инстанции и более 30 раз посетили заявителя в следственном изоляторе. Они также составили формуляр жалобы в Европейский Суд и замечания на меморандум властей Российской Федерации. Заявитель представил два шаблонных договора с его представителями в Европейском Суде на общую сумму 350 000 рублей и квитанции на оплату юридических услуг на общую сумму 13 100 рублей.

125. Власти Российской Федерации указали, что в задачи Европейского Суда не входила переоценка приговора по делу заявителя. Поэтому расходы, понесенные в рамках национального производства по уголовному делу, не подлежали возмещению. В любом случае только незначительная часть требований подтверждалась документами. Кроме того, сумма в 10 000 евро за представление интересов заявителя в Европейском Суде являлась чрезмерной и не подтверждалась представленными документами.

126. Европейский Суд согласен, что в рамках национального производства судебные расходы были понесены в целях предотвращения нарушения права заявителя на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. В степени, в которой эти расходы подтверждаются соответствующими платежными документами, Европейский Суд присуждает заявителю 350 евро, включая любые взимаемые с этой суммы налоги, и отклоняет остальные требования, связанные с национальным производством по делу.

127. В том что касается рассмотрения жалобы конвенционным органом, Европейский Суд отмечает, что заявителю была предоставлена правовая помощь на представление его интересов К.А. Москаленко [из материалов дела] не следует, что Е.Л. Липцер проводила бы какую-либо независимую работу по делу. Поэтому Европейский Суд отклоняет требования в отношении услуг Е.Л. Липцер (см., mutatis mutandis, Постановление Европейского Суда по делу "Обсервер" и "Гардиан" против Соединенного Королевства" (Observer and Guardian v. United Kingdom) от 26 ноября 1991 г., Series A, N 216, §80). Кроме того, Европейский Суд отмечает, что договоры между заявителем и К.А. Москаленко являлись шаблонными, в которых заполнялась только фамилия заявителя и сумма, в то время остальные пункты, в которых описывалась проводимая юридическая работа, сроки выполнения и иные условия, оставались пустыми. Таким образом, этот шаблон не создавал, по-видимому, обеспечиваемое законом к исполнению обязательство заявителя оплатить услуги К.А. Москаленко. Поэтому данное требование подлежит отклонению (см., mutatis mutandis, Постановление Европейского Суда по делу "Даджеон против Соединенного Королевства" (Dudgeon v. United Kingdom) от 24 февраля 1983 г., Series A, N 59, §22). Учитывая изложенное, Европейский Суд отклоняет требование заявителя о компенсации расходов, понесенных в ходе страсбургских процедур.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

128. Европейский Суд счел уместным, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

На этих основаниях суд единогласно:

1) постановил, что жалоба, касающаяся помещения заявителя под стражу и условий содержания заявителя под стражей, является приемлемой для рассмотрения по существу, а остальная часть жалобы - неприемлемой для рассмотрения по существу;

2) постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/3 г. Москвы;

3) постановил, что имело место нарушение подпункта "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием правовых оснований для содержания заявителя под стражей с 11 по 12 октября 2000 г. и с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г.;

4) постановил, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;

5) постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;

б) постановил:

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в российские рубли по курсу, установленному на день оплаты:

(i) 10 000 (десять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 350 (триста пятьдесят) евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в ходе национального производства по делу;

(iii) любые налоги, которые могут быть взысканы с этих сумм;

(b) что с даты истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты проценты подлежат начислению на эти суммы в размере, равном предельной годовой ставке Европейского центрального банка плюс три процента;

7) отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 1 марта 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Секретарь Секции Суда
Председатель Палаты

Клаудиа Вестердийк
Пэр Лоренсен